ПОВѢСТЬ
о господинѣ
де ла БЕДУАЕРѢ
и
ЕГО СУПРУГѢ,
писанная его другомъ.

Часть III.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
1773 года.

НЕСЧАСТНЫЕ СУПРУГИ
ИЛИ
повѣсть о господинѣ и госпожѣ де ла Бедуаерѣ, писанная его другомъ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

Score: Колико выгодно самолюбіе! оно и самое злополучіе обращаетъ въ пользу свою; злополучіе долженствующее ввергать нещастливыхъ въ отчаяніе, и въ безпредѣльное уныніе. Ибо можетъ ли что иное быть горестнѣе сего для нихъ, какъ видѣть, что и злощастіе подкрѣпляетъ честолюбіе, и утѣшаетъ ихъ. Они вкушаютъ нѣкоторой родъ удовольствія, и нѣкое тщеславіе, ихъ утѣшающее, воображая, что они достигли до совершеннаго злополучія, что могутъ про-

тивиться року своему; и что на конецъ нещастїе ихъ превышаетъ нещастїя другихъ. Кто бы вообразить могъ, что иныя находятъ величество и славу въ уничтоженїи самомъ! Конечно мы честолюбїемъ много ослѣплены, когда несчастїе долженствующее бы привести насъ въ разсудокъ, вмѣсто просвѣщенїя сего насъ ослѣпляетъ.

И такъ испыталъ я удовольствїе сїе, вознамѣрился насытить злую долю мою; жестокой опытъ теперь меня просвѣщаетъ, и я вижу, что источникъ злощастїя моего есть для меня неисчерпаемой: рожденъ я испытывать новыя злополучїя. Ахъ! чево еще не долженъ ожидать послѣ ударовъ, столь сильно меня поражающихъ? Чувствую довольно, что я плачевная жертва, нещастїемъ гонимая; смерть, о которой другїе со страхомъ воспоминаютъ, прельщаетъ меня надеждою, когда она одна кончитъ жизнь, меня устрашающую.

Прiѣхавъ въ Авиньонъ, чаялъ быть край свѣта, или въ такомъ островѣ, гдѣ нѣтъ тварей, кромѣ

Агаты и меня; забылъ о всѣхъ людяхъ; даже до ихъ вѣроломства: жилъ для одной любви: она владѣла мною, всѣ мысли мои къ ней устремлены были. Какое состоянїе можетъ предпочтено быть сладостному сему волшебству? Какїя сокровища, какїя пышности стоятъ щастїя любить, и быть любимымъ? Сїя только утѣха можетъ наполнить сердце, всѣ другїя суть слабы для чувствительной души, а чувствительныя сердца трудно во всемъ удовлетворить.

Я принужденъ былъ оставить сїи размышленїи. Малая сумма денегъ, которую я взялъ съ собою, предвѣщала намъ бѣдность и къ пущей горести моей тогда, когда владѣютъ сердцемъ моимъ, и любятъ больше самого себя! Ибо испытая самъ себя, убѣжденъ былъ, что больше мыслилъ объ Агатѣ, какъ самъ о себѣ; чувствую печаль ея прежде моея, а моя трогаетъ меня для того, что Агата беретъ въ ней участїе.

Первой предмѣтъ извлекъ меня изъ сего смятенїя; ето Агата отягченная игомъ бѣдности, влекущей

стыдъ за собою. Какой былъ ударъ для мужа! иль паче для любовника супруги своей! Онъ бы искупилъ кровїю и жизнїю своею, чтобъ не видѣть ея ни въ малѣйшей печали.

Настало уже время грозящее намъ бѣдностїю; сего не довольно, что я страшился участи дражайшей моей; третей нещастной присовокупился къ ней, чтобъ извлечь изъ сердца моего чувствительность искренности и сожалѣнїя; сей нещастной, котораго Агата питаетъ во чревѣ своемъ, и которой можетъ быть произойдетъ на свѣтъ, чтобъ укорять меня своимъ рожденїемъ и обвинять меня содѣтелемъ жизни его, ни чему предпочтенной; младенецъ сей есть новая жертва, назначенная къ раздѣленїю напастей нашихъ. Онъ умножалъ во мнѣ страхи, сердце мое раздирающїе.

Чемъ болѣе печали мои умножались, тѣмъ болѣе душа моя возобновлялась чувствовать ихъ: а сердце мое изсохшее, издыхающее, и почти въ ничто обращенное перерождалось питать злощастїе; и ему быть добычею, всечастно поглощаемой:

Увы!

Увы! узрю ли я неожидаемую сїю минуту, въ которую терпѣнїе и жизнь моя кончится?

Бѣдность нами почти обладала; Агата, дражайщая моя, о боже! ея почувствовала; я столькожъ имѣлъ друзей въ Авиньонѣ, сколько и въ Парижѣ. Ахъ! въ которомъ краю свѣта сыскать ихъ можно? Единое нещастїе есть опытъ дружества, и оно вразумляетъ насъ, что дружество смертныхъ по большой части состоитъ въ числѣ нѣмыхъ выраженїй.

Я чувствовалъ при всякомъ взорѣ на супругу мою новые колебанїи; она для меня была образъ злощастїя, въ которой всѣ горести собравшись, вдругъ меня поражали.

„Какъ! *Сказалъ я по глубинѣ ду-* „*ши моей*, сей ли есть плодъ мой, „плодъ любви самой. Толико преле- „стей, толико добродѣтелей вверг- „аются во бездну несчастїя, и я „виновникъ злополучїя ея! для ме- „ня можетъ быть претерпитъ ужа- „снѣйшую бѣдность! Я люблю ея, „покланяюсь ей, обожаю ея, и въ „ту же минуту ея умерщвляю!

„Ахъ! много противная горячность!
„въ тебѣ обитаютъ всѣ варварскія
„дѣйствіи ! прежалостной младе-
„нецъ ! ты произойдешъ въ свѣтъ
„быть злополучнымъ? Ещель не до-
„вольно , что я пострадалъ ? Какъ
„возмогу я жить , и сносить бѣд-
„ствія , тобой втунѣ претерпѣвае-
„мыя ? Долженствую ли я желать
„рожденія твоего ? Нѣтъ , . . .
„лучше тебѣ стократно умереть !
„возможешъ ли ты имяноват отп-
„цомъ своимъ варвара твоего ? Не
„содѣлываюль я тебѣ жесточайшія
„напасти , производя тебя на свѣтъ?
„Умри . . . умри прежде , нежели
„узришъ миръ сей ненавистный !
„приносящей въ даръ всѣ мученіи
„для тебя соблюденны ! Но что я
„говорю ? . . . . Живи и будь мнѣ
„утѣшителемъ , будь другомъ мо-
„имъ ! Ты обо мнѣ пожалѣешъ, ме-
„ня возлюбишъ , цѣпь злощастія
„нашего соединится съ тобою , воз-
„люблю въ тебѣ сію злополучную
„супругу ; ты будешъ залогъ любо-
„ви нашей , воспитаю тебя слезами
„моими , воспримешъ меня въ объя-
„тіи свои , слезы мои потекутъ на
„грудь

„ грудь твою; ты будешъ отрокъ
„ печалей; мы найдемъ одно бытїе
„ во всей подсолнечной чувствитель-
„ ное къ нашему року, услаждающее
„ горесть, раздѣляя съ собою; серд-
„ це твое совокупится съ нашимъ,
„ и будешъ единъ изъ всѣхъ смерт-
„ ныхъ о насъ соболѣзнующїй; бу-
„ дешъ свидѣтелемъ послѣдняго из-
„ дыханїя нашего; рука твоя закро-
„ етъ очи наши, ты останешся для
„ пролитїя слезъ о жребїи нашемъ,
„ услышишъ о нашемъ трупѣ сожа-
„ лѣнїи, соболѣзнованїи, человѣче-
„ ство, отеческую любовь до сего
„ времени нами лишенную, и при-
„ чиняющую всѣ наши горести. Ахъ!
„ я знаю, что родитель мой насъ
„ въ тебѣ проститъ! насъ въ тебѣ
„ возлюбитъ! Почто не умираю я
„ съ сею надеждою? О дражайшїй
„ родитель! доколѣ будешъ гнать
„ меня съ сею жертвой неповинной?
„ Ещель меня возненавидишъ для
„ младенца сего, тебѣ однокровнаго?
„ Ужель вселитъ онъ забвенную въ
„ тебя искренность? Онъ есть плодъ
„ ея, я научу его любить тебя, про-
„ изнесть жалобы, тебя не обвиняя;

 „ пер-

„первой его приходъ будетъ пасть „къ ногамъ твоимъ, и облобызать „ихъ; первые будутъ его мысли „любить и почитать тебя; первая „рѣчь его испроситъ для меня ми-„лость твою: онъ придетъ къ сто-„памъ твоимъ пролить слезы свои; „они только одни приведутъ тебя „въ сожалѣнiе; онъ будетъ насъ „щастливѣе, прими его за дитя „свое. Если ты удостоишъ возрѣть „на него родительскими очами, то „безъ сомнѣнiя его возлюбишъ, и мы „въ немъ оживотворимся. Иль вѣч-„но будетъ намъ мщенiе твое? И „не насытитъ ли злобу твою смерть „отца и матери младенца сего?

Всѣ сiи разговоры съ самимъ собою растравляли раны печалей моихъ. Мы приведены были до жесточай-шей крайности; я не изобрѣталъ ни-какого способа ко вспоможенiю; встрѣ-чались такiя плачевныя минуты, въ которые намѣрялся я кончить остатокъ несносныхъ дней моихъ! Но какъ оставить Агату, подвер-женную всѣмъ горестямъ свѣта? младенца безъ отца и безъ друга; пре-

преступить законъ, сїю послѣднюю надежду, и единое утѣшенїе для нещастныхъ; все сїе удерживало руку мою взнесенную умертвить себя.

Я распродалъ ужъ здѣсь большую часть пожитковъ моихъ; теперь могу излїять гнѣвъ и печаль мою. Возможно ли, чтобъ люди были столь жестокосерды и безчеловѣчны, чтобъ пользоваться нещастїемъ другихъ? чтобъ насытиться кровїю нашею, отнять у насъ жизнь подъ видомъ сохраненїя? Не гнуснѣе ли они разбойниковъ, смертоубїйцъ, когда насильно обдираютъ нещастнаго и принуждаютъ его жертвовать имъ самимъ собою?

Я отнесъ остатокъ пожитковъ моихъ не къ ростовщику, а къ тигру, насъ поглощающему: онъ купилъ кровь мою; ибо я продалъ все, кромѣ одного платья и нѣсколько бѣлья. Агата взошла въ комнату мою и принесла серьги свои и перстень, чтобъ продать ихъ. Вотъ состоянїе ужасное и неописанное! Тогда нещастїе сильно сердце мое поразило, не имѣлъ больше силъ воз-

 зрѣти

зрѣти на ея, палъ на стулъ обливаяся слезами, и едва могъ выговорить отъ стѣсненія вздоховъ. Какъ дражайшая Агата, или за сіе сохраняю я дни твои? возьму ли мною тебѣ подаренное? отниму ли послѣднее сокровище, тобою обладаемое? Нѣтъ, не услышишъ, чтобъ я симъ пользовался къ моему вспоможенію; есть къ тому другіе способы; я легче соглашусь продать вольность мою, кровь мою и жизнь, нежель приступлю къ сему.

Я выговорилъ сіе отъ искренности души моей: и въ самомъ дѣйствіи чувствовалъ ужасъ состоянія сего; въ тонкость испыталъ всѣ женскія сердца, и любовь довольно меня просвѣтила узнавать мысли ихъ: я увѣренъ, что женщины столькожъ почти пристрастны къ уборамъ, какъ къ жизни; и въ случаѣ лучше отнять у нихъ жизнь, нежели воспрепятствовать имъ нравиться, и уничижить красоту ихъ; я не сумнѣваюсь, что Агата меня столько любитъ, чтобъ жертвовать мнѣ красотою своею.

Я вижу, *сказала она мнѣ*, все сїе примѣтя, что ты мало любишъ, когда уподобляешъ меня ко многимъ другимъ женщинамъ. Простительно ли обладающему сердцемъ моимъ мыслить, чтобъ иное кромѣ тебя могло его плѣнить? Не искала я тебѣ понравиться, какъ моею чувствительностїю, симъ однимъ сокровищемъ для тебя сохраненнымъ. Что мнѣ въ нарядахъ? Ты одинъ милъ сердцу моему, живу я для тебя единаго; примемъ состоянїе сходственное съ нашимъ несчастїемъ. Самая ужаснѣйшая бѣдность устрашить меня не возможетъ, во время продолженїя любви твоей ко мнѣ. Любовь, а не тщеславїе одарило меня красотою.

Ахъ! божественная Агата! ты будешъ вѣчно царствовать въ сердцѣ моемъ! Какая женщина можетъ быть тебя прелестнѣе? Сыщется ли тебя прекраснѣе, когда нѣтъ ни одной злополучнѣе? . . . . . . Но возможно ли мнѣ согласиться на требованїе твое? Мыслишъ ли, что мнѣ ты миляе всего свѣта и самого меня?

ня? и что малая твоя печаль терзаетъ сердце мое? . .

Я отрекся предъ Агатой продать камни ея, но она сама не замедлила отъ нихъ освободиться. Въ одно время удивился, увидѣвъ ея безъ алмазовъ: въ тотъ же день она принесла ко мнѣ немалую сумму денегъ, сказавъ, что заняла у одной знакомой ей женщины; но я тотъ часъ сїе проникнулъ.

Ахъ! покланяемая Агата! сказалъ я ей! втунѣ скрывается въ тебѣ добродѣтель! Никто не соболѣзнуетъ о долѣ нашей, злополучїе лишенное дружества, единое сердце твое склонно къ безпримѣрнымъ чувствительностямъ. Дражайшая супруга, сердце твое довольно мнѣ извѣстно; я вижу, что оно содѣтель сей услуги, мною тебѣ единой долженствующей; да, . . я не сумнѣваюсь въ томъ; . . ты продала камни свои, ты лишилась всего для нещастнаго, влекущаго тебя во всѣ напасти; не остается болѣе тебѣ, какъ отдать ему жизнь свою. Сей ли есть плодъ любви твоей? Увы! почто не возмогу я доказать тебѣ

въ

въ жизни моей, до чего я люблю тебя? Ахъ! вѣрь мнѣ, что я почитаю, удивляюсь, и тебѣ покланяюсь! ужель извѣстны тебѣ чувствительности мои? ужель проницаешъ глубину души моей? . . .

Сїе малое вспоможенїе скоро истощилось, она занемогла, а бѣдность была предъ глазами нашими, и каждый день усиливалась; на конецъ доходило до того, что пищи почти лишались; безъ друзей, безъ помощи оставленные пришелцы, ожидая ужаснѣйшей смерти: вотъ какое было состоянїе наше. Въ сїи жесточайшїя минуты легко было можно проникнуть подлые души, жестокосердїе и безчеловѣчїе. Я имѣлъ право ненавидѣть смертныхъ, проклинать ихъ; ибо они суть безъ добродѣтели, безъ чувствительности и гнуснѣе лютаго звѣря!

Надобно быть нещастну, чтобъ разсмотрѣть ихъ въ тонкость; они тогда снимаютъ личины; и сей есть единъ плодъ злополучїя: вотъ откуда раждается мудрствованїе, насъ необманывающее; разсудокъ есть добродѣтель несчастному.

Я доходилъ до ужаснѣйшей крайности. Я! . . . я! рожденной въ объятіяхъ чести, благополучія, не знающій имени бѣдности, возмогъ ли самъ себя узнать въ состояніи семъ? Она ввергала меня въ поношеніе, не отличала отъ послѣднихъ изъ смертныхъ, и уничтожала тщеславіе чувствительностей. Нѣтъ ни одного непоколебимаго сердца, противящагося опытамъ симъ. Но всѣ сіи предмѣты не уподоблялись зрѣлищу, представленному предъ глаза мои: Агата въ бѣдности, всего лишенна, можетъ быть кончитъ остатокъ дней своихъ.

Ахъ! коликими ударами пораженъ я былъ присемъ воображеніи! и какъ не лишился жизни!

Печаль моя была претягостная, жестокая, . . . я повторяю, что безъ супруги моей, безъ моего закона, я бы поспѣшилъ въ прахъ превратиться.

Нещастной! вскричалъ я, къ чему я назначенъ! какой путь восприму выйти изъ пропасти сей! пойду ли я броситься къ ногамъ отца моего, и оросить ихъ слезами моими? Но

Но что я говорю? Увы! нѣтъ для меня отца, ни роду, ни друзей, самая послѣдняя тварь не лишена сей помощи. Къ комужъ прибѣгнуть искать ея? Должноли мнѣ унизиться, посрамиться, обезчеститься оплакивая несчастіи мои предъ очами отъ меня отвращающимися?

Ахъ! умремъ лучше стократно, избѣжимъ отъ гнуснаго поношенія, заградимъ уста злобѣ человѣческой питаться гнусною утѣхою бѣдности нашей. Умремъ! сія единая мнѣ остается надежда . . . . Умереть! . . . . премѣнитъ ли смерть моя долю дражайшей моей Агаты? Для кого она сохранитъ дни свои? Будетъ ли благополучнѣе?

Я признаюсь вамъ, что мыслилъ объ ней безпрестанно, и всеминутно взоры мои на нее устремлялись; встрѣчались минуты отчаянія, въ которые принять намѣрялся гнусные должности, постыдные названіи; но непрезрѣнные предъ глазами разумнаго. Любовь подкрѣпляла разсудокъ мой. А въ самомъ дѣйствіи какъ сумазбродство, несправедли-

вость

вость и невѣжество могли приписать безчестіе должностямъ, сообществу больше полезнымъ, нежели тѣ сами ими начальствующія?

Супруга моя увидя меня въ смятеніи, и проливая слезъ своихъ потоки, сказала:

Не отчаявайся, сердце мое избрало для насъ полезное; я безъ сумнѣнія счастлива буду, когда не могу умягчить состояніе твое; мы не будемъ имѣть нужды умилостивлять людей къ сожалѣнію, жить посредствомъ постыднаго ихъ вспоможенія, ввергающаго насъ въ посрамленіе. Нѣтъ, мы лишимъ сихъ презрѣнныхъ людей удовольствія, чтобъ видѣть насъ въ уничтоженіи; мы должны будемъ самимъ намъ остаткомъ дней нашихъ, скоро можетъ быть кончающимся; ты узнаешъ, до чего я люблю тебя; любовь меня наставляетъ предпріять поступокъ сей, и я не колеблюсь въ томъ, что коснется до жизни твоей. Такъ дражайшій мой супругъ, ты все для меня, по крайней мѣрѣ я насыщусь въ бѣдственномъ состояніи моемъ утѣхою, могущею подать жизни твоей истинной

тинной опытъ горячности моей. Возможно ли будетъ тогда мнѣ жаловаться? Ты больше меня возлюбишь, и я оживотворю тебя; я испытала севодня, что смерть моя не столь велика тебѣ жертва, какъ предпрїятїе мое. . . . . . .

Агата не возмогла больше продолжать рѣчь свою, жестокая печаль стѣсняла сердце ея, и она старалась сокрыть терзанїе сїе въ душѣ своей.

Я нетерпѣливо тщился узнать предпрїятое ею намѣренїе; она упорствовала молчанїемъ, проливая слезы свои; ея взоры, печаль и любовь наполняли сердце мое несносною горестїю; я употребилъ прошенїя, преданность, жалобы, укоризны; но всѣ старанїя мои были безплодны; и она не изъяснила загадки сей мнѣ непонятной.

Спустя нѣсколько дней примѣтилъ я, что печаль ея часъ отъ часу умножалась; она намѣрялась сказать ея, но страшилась разтворить уста свои, и въ силу могла взирать на меня; смятенїе изображено было на лицѣ ея, и безпрестанно протекали

кали слезы изъ очей ея ; казалось, что хочетъ она открыть мнѣ нѣкую тайность, но усиливалась смолчать по неволѣ.

Почто? *воскричалъ я*, дражайшая Агата! почто плачь сей безпрестанной? Иль ты неизвѣстна, что каждая слеза тобою проливаемая, извлекаетъ столько каплей крови, изъ внутренности сердца моего истекающей? Или что есть отъ меня утаенное? Не моя ли есть душа твоя? Ты мнѣ не отвѣтствуешъ? Агата, безъ сомнѣнія больше меня не любитъ, когда она имѣетъ таинства отъ своего супруга, отъ своего любовника сокровенные . . . Тебѣль жаловаться, что тебя не любятъ? Ты довольно неблагодаренъ! а я много злополучна! Да! . . ты скоро принужденъ будешъ воздать мнѣ справедливость, коябъ желала долженствовать твоей любви, а не справедливости. Ахъ! оставь меня восплакати въ покоѣ, и не выспрашивай о семъ причины у меня: довольно, что ты оживотворяшся, и узнаешъ до чего люблю тебя, по томъ умру съ покоемъ.

Ты умрешъ Агата! Ахъ! жестокосердая! почто дерзаешъ мнѣ сказать сіе? Ты пронзаешъ сердце мое, ты стократно симъ меня умерщвляешъ. Нѣтъ, божественная супруга, нѣтъ, я не сумнѣваюсь въ любви твоей. И могуль я усумниться, когда ты все для меня содѣлала; когда дерзнула возлюбить меня посреди пропасти злополучія, и когда я одинъ творецъ всѣхъ твоихъ напастей; и ставъ твоимъ супругомъ, премѣнился въ мучителя. Скажи обладательница сердца моего, есть ли хоть единая мысль твоя отъ меня утаенная? Иль есть для меня новое нѣкое несчастіе, которое открыть мнѣ страшишся? Увы! можетъ ли быть сіе? Но безъ сомнѣнія есть оно, я испытываю, когда Агата одержима молчаніемъ причиняющимъ смерть мою.

Ты вскорѣ извѣстишся, *сказала она мнѣ*, въ одну минуту всю для тебя будетъ открыто, узнаешъ меня, и къ чему любовь моя способна. Одной милости просить у тебя дерзаю чтобъ не принуждать меня самою открыть тебѣ тайну сію; позволь

воль мнѣ выти на малое время. . . . ; Прости мы свидимся . . . . . я возлюблю тебя по гробѣ мой. . . . .

Что слышу я . . ? и что ты говоришъ ? Куда итти хочешъ ? Нѣтъ я тебя не оставлю , ты скрываешъ отъ меня слезы свои ? Ахъ ! я хочу обо всемъ извѣститься : если я любимъ тобою , ты не долженствуешъ ничего сокрыти отъ меня. Но что за взоры пронзаютъ сердце мое ! Ахъ! любезная супруга ! откуда раждаеится печаль сїя несказанная ? Агата ! . . . . . для имени любови нашей, выведи меня изъ престрашнаго смятенїя тобой мнѣ причиненнаго. Желаешъ ли оставить меня ? . . . . начни извлекать жизнь мою. . . . . Или ты обезсилѣла раздѣлять съ собой несчастїя мои ? Быть мнѣ утѣшенїемъ, забавою, жизнїю злополучнаго ? Сожалѣешъ ли объ искренности своей ? Устрашаетъ ли тебя состоянїе мое ? Лишаюсь ли я сердца твоего ? Или перестанешъ любить несчастнаго ?

Я былъ у ногъ ея , облобызалъ ея руки , орошая слезами моими ; она упала въ кресла. Вдругъ блѣдность по-

покрыла лице ея; хотѣла говорить, потоки слезъ ея воспрепятствовали; очи закрылись, и пала въ обморокѣ въ объятія мои.

Кличу, не отвѣтствуетъ; слезы мои омыли лице ея; наконецъ вынулъ я изъ кармана ея духи къ прогнанію обморока служащіе, съ которыми упало писмо; я взялъ его, и вотъ содержаніе.

Надлежало спасти двухъ несчастныхъ, равномѣрно мнѣ любезныхъ,... супруга стократно мнѣ миляе самою себя, и младенца; которому хочу я сохранить жизнь, ему отъ меня данную. Я сему не воспротивилась, ничто мнѣ не казалось постыднымъ къ удовольствованію должности моей и любви. Я утаевала отъ тебя предприятіе мое, зная твою ко мнѣ горячность, котораябъ могла воспрепятствовать намѣренію моему. Я уже тебѣ сказала, что въ злополучіи нашемъ будемъ мы питаться утѣхою никому не долженствуя. Не востревожся состояніемъ моимъ. Пусть буду я въ уничиженіи предъ очами другихъ, лишь бы только предъ твоими прежнею осталась, и не лишилась

шилась бы достоинства понесть имя твоей супруги. Со временемЪ я увижусь сЪ тобою, я опредѣлилась вЪ горнишные кЪ госпожѣ Маркизѣ де . . . . . которая удаляется вЪ монастырь. Помысли, что я живу для тебя единаго, ты найдешЪ нѣсколько денегЪ вЪ ящикѣ, не старайся освѣдомляться откуда я ихЪ достала: всю, чтобЪ я ни могла для тебя сдѣлать, любовь моя вознегодуетЪ о неудовольствїи твоемЪ: самые тѣ печали, испытанные мною вЪ новомЪ состоянїи, причинила мнѣ горячность моя: я одолжена моею сЪ тобой разлукою; я, для которой единоминутное отсутствїе твое кажется вѣкомЪ наказанїя, но надлежитЪ; разсуди, сколько я люблю тебя, когда жертвую любовїю любви самой. Прости, любезнѣйшїй изЪ любовниковЪ; ибо супругомЪ мнѣ останешся на вѣкЪ; живи для нашего младенца, который скоро можетЪ быть узритЪ свѣтЪ; живи для супруги, счастливѣйшей изЪ всѣхЪ женщинЪ, если можетЪ она усладить горесть твоего состоянїя.

Чте-

Чтенїе писма сего ввергнуло меня въ удивленїе , подобное отчаянїю , и я былъ неподвижимъ. Коликое множество степеней въ любви ! но всегда для меня новые , я довольно испыталъ ихъ въ сїю минуту: единая только горячность моя преодолѣть могла печаль мою; и чувствую, что больше люблю супругу мою , нежели пронзаемъ горестїю; наконецъ вскричалъ я.

Что слышу я ? . . . Агата , . . . моя супруга, . . . образецъ всѣхъ женщинъ, сама добродѣтель! душа души моей , безъ сомнѣнїя достойная принять первой престолъ свѣта , божество мое хочетъ уничижиться ; хочетъ служить ! . . . . . возможно ли жить мнѣ услыша сїе ? Неужель ты столько меня любишъ, что возмогла подозрѣвать меня въ слабости сей? Нѣтъ ! . . . . терпѣнїя моего недостанетъ, чтобъ супруга моя до сего степени себя уничтожила ; мы можемъ свободиться злополучїя , мы можемъ умереть. Безъ сумнѣнїя младенецъ былъ бы мыслей моихъ , и возмогъ ли бы видѣть онъ мать свою въ подобномъ безчестїи? Пусть

лучше всё естество погибнетъ! Сія ли есть ужаснѣйшая тайна тобою отъ меня сокрытая?... Скажи мнѣ, какія это деньги? кто бы могъ тебѣ ихъ дать?

По окончаніи сихъ послѣднихъ словъ, увидѣлъ въ кабинетѣ Агатиномъ, что нѣтъ платья ея, кромѣ простаго одного. Тогда то я горько заплакалъ, и печаль моя была безпримѣрная; супруга моя опомнилась для того, чтобъ совокупить слезы свои съ моими; мы обнявши другъ друга плакали прегорько.

О достойнопокланяемая супруга! о смертная, превышающая добродѣтельми человѣчество, позволь мнѣ присягнуть у ногъ твоихъ какъ богу моему! можетъ ли быть иное сердце столь чувствительно? Сіе ли есть отъ супруга твоего награжденіе за твои благодѣянія? Я вижу, что ты теперь всего для меня лишилась; иль не ужасаютъ тебя признаки злополучія и бѣдности? Ты можешъ столь много любить меня, чтобъ забыть себя? и до такой крайности уничтожиться? Наконецъ жертвовать мнѣ больше, нежели жизнію

своею

своею? Ты можешь предпріять намѣреніе носить имя горничной? быть въ презрѣніи между послѣдними изъ смертныхъ? служить тѣмъ, кои созданы пасть передъ тобою? Ты, которая бы могла царствовать надъ всею подсолнечною, не было бы иное что, какъ презрительная горничная? Ахъ дражайшая покланяемая супруга! удали сіи отъ меня воображенія; они ужасаютъ меня и пронзаютъ сердце безчисленными ударами Я уже тебѣ сказалъ, что лучше умру, нежель видѣть тебя въ бесчестіи. Столь поносная и отвратительная жизнь не научила ли меня стократно умирать? Мы властители доли нашей; ты умрешь, меня и самаго имени добродѣтели достойна. Почто намъ мучиться до произшествія на свѣтъ младенца сего? Пусть погибнетъ, пусть лишится насъ, прежде, нежели почувствуетъ болѣзни съ бытіемъ соединенные. Сіе превзойдетъ отца, чтобъ умертвить его. . . . . Я ужасаюсь отъ вымысла моего, но въ сей день онъ одинъ намъ остался, который можемъ мы произвести въ дѣй-

ство. Ты вѣдаешъ, что я люблю тебя безпримѣрно. Ты теперь въ безднѣ злополучїя мною ввержена; я долженствую извлечь тебя изъ нее, и знаю къ сему средство. . . . . Агата, ты любишъ меня единаго; къ чему тебѣ жить по смерти моей? До сего времени жилъ я для тебя единой; но не возможно мнѣ больше жить; намъ должно вмѣстѣ жизни лишиться; да, . . . должно; . . , смерть есть намъ единая отрада.

Я ходилъ по горницѣ, смутились очи мои, вступила блѣдность въ лице мое, ужасъ потрясъ колѣна мои, приближался къ супругѣ, удалялся, останавлялся; взводилъ руки къ небу, и взоры мои устремлялись къ землѣ; самъ себя болѣе не узнавалъ, душа моя была отягчена сильными мыслями; всѣ страхи отчаянїя, бѣшенства, смерти, меня окружали, и спѣшили наполнить сердце мое.

О небо! *сказала мнѣ Агата плачучи*, что сдѣлалось съ тобою? Что ты говоришъ? и что вымышляешъ? Какїе взоры на меня устремляешъ? Я больше

ше не узнаю ! успокойся ! почто столь тревожиться ? не чувствуешъ ли болѣзни какой ? . . . . . . Никакой, ... въ минуту кончатся всѣ наши несчастїя ; . . . Скажи мнѣ откровенно , любишъ ли ты меня столько , чтобъ умереть вмѣстѣ со мною ? . . . говори. . . . .

Что ето за вопросъ ? Я не разумѣю тебя ; и можешъ ли ты помыслить, чтобъ я хотя одну минуту жила безъ тебя? Единая любовь привязуетъ меня къ жизни ; я всегда слѣдовать буду долѣ твоей ; но какъ желаешъ ты кончить наше злополучїе ? Развѣ надѣешся ты быть счастливымъ ? . . . .

Да, безъ сумнѣнїя я счастливъ буду , когда кончится страданїе мое. И такъ могу надѣяться я на любовь твою ? Смерть тебя неустрашаетъ? И ты не можешъ жить какъ только со мною? Мы теперь достигнули до самой пропасти злополучїя, безъ родителей , безъ друзей , забвенные и оставленные отъ всего свѣта, добычь несчастїя, готовы, скажу ли я ? (О небо ! Возмогъ ли я когда подумать , чтобъ мы доведены были

 до

до такой ужасной крайности?) Готовы умереть отъ бѣдности, ... отъ глада! Довольно ли его испытала? предвидишъ ли всѣ грозящія намъ напасти? Ты вѣдаешъ, что не остается больше намъ ни единыя надежды. Какая же послѣдняя отрада несчастнымъ? . . . Смерть. . . . Спасемъ отъ горестной жизни трехъ злополучныхъ. Я люблю тебя долженствую кончить печали твои; и ничто иное, какъ единая смерть можетъ совершить ихъ. Сіе единое сокровище, сей единый даръ, сей единый залогъ любви моей, которыми жертвовать могу тебѣ, чтобъ одолжить тебя симъ благодѣяніемъ. Твой супругъ, твой дражайшій любовникъ столько тебя любитъ, чтобъ быть твоимъ убійцею; а младенецъ нашъ мнѣ милъ до сего, что отецъ его достоинъ быть ему мучителемъ. Умри несчастная Агата, умри отъ руки моей, когда кончить должно поносную жизнь сію; я соединюсь съ тобою тѣмижъ ударами: испустимъ вмѣстѣ послѣднія наши издыханія.

Не

Не успѣлъ кончить словъ сихъ; раздраженъ, отчаянъ, вышедъ изъ себя самого, и въ безумїи схватилъ шпагу, и прибѣжавъ къ Агатѣ, взнесъ руку вооруженную. Она ужасно вскричала, бросилась въ объятїя мои, и пала къ ногамъ моимъ безъ чувствїя. Шпага упала изъ рукъ моихъ, источники слезъ протекли изъ очей моихъ. Агата почти издыхающая омывала ноги мои слезами своими.

Какъ! . . . . . . ты хочешъ отъяти жизнь мою? Ахъ! не думай того, чтобъ я страшилась умереть; дни мои, кровь моя, сердце мое суть въ твоей власти; ты можешъ пронзить сердце, тебѣ покланяемое; вотъ грудь моя, пронзай ея. Но о дражайшїй супругъ! что содѣлала тебѣ сїя жертва неповинная, во чревѣ моемъ заключенная? Давши жизнь ему, возможешъ ли отнять ея? Гдѣ дѣлась горячность родительская? гдѣ дѣлся законъ, запрещающей умерщвлять самихъ себя? Не лучше ли тысящу кратъ служить, быть въ презрѣнїи, быть въ поношенїи у всѣхъ смертныхъ, нежели прекратить

жизнь, Богу единому подвластную. Не трепещешъ ли отъ единаго воображенія подобнаго злодѣйства? Ободримся, претерпимъ несчастія; самъ Богъ умилосердится надъ нами, почто намъ отчаяваться? Мы сотвореніе его; онъ насъ не оставитъ; злополучіе наше довольно простерлось, чтобъ смягчить долю нашу.

При всякомъ словѣ, ею произнесенномъ, мрачная ночь печалей моихъ расточалась, тьма просвѣщалась, я уподоблялся человѣку, первой разъ свѣтъ увидѣвшему; сердце мое уподоблялось морю, волнующемуся пресграшною бурею, которая потомъ мало по малу утишается, и приходитъ въ прежнюю тишину. На конецъ я очувствовался, и съ какою гнусностію озиралъ самъ себя? воструепеталъ, ужаснулся, сердце мое охладѣло; взглянулъ на супругу мою и ввергнулся въ новые печали.

Агата, *вскричалъ я*, удались отъ меня, гнушайся мною, бѣги мерзкаго сего чудовища; иль лучше отмсти ему; удостой меня имянемъ супруги лишивъ

лишивъ меня жизни. Какъ! я! я хотѣлъ умертвить тебя! Я могъ вымыслить, чтобъ пронзить сердце дражайшей моей! Нѣтъ обладательница души моей, нѣтъ, силъ бы моихъ къ сему не достало; я люблю тебя, покланяюсь тебѣ, не имѣю другой ярости, кромѣ любви моей. Вотъ къ чему привелъ меня плачевный жребїй мой! Я бы умертвилъ супругу мою, и младенца? Ахъ! колико я злополученъ! О дражайшїй родитель! къ чему меня приводишъ? А Ты, творче мой, Ты моя единая надежда, Ты защитникъ, Ты отецъ, родъ, друзья, Ты вся подсолнечная, удостоишъ ли возрѣть на меня окомъ своимъ милосердымъ? иль буду я забвенъ въ злополучїи и въ престрашнѣйшихъ напастяхъ? Не воззываю ли я Тебя въ тунѣ, прося отъ Тебя помощи, къ Тебѣ прибѣгая? . . . . . А ты любезнѣйшая Агата! возлюбишъ ли столько меня, чтобъ забыть беззаконїя мои, и простить меня? Колико я злополученъ! На что потребно мнѣ прекратить жизнь, которую горесть и безъ меня окончаетъ? Агата! ты видишъ меня въ

 ужа-

ужаснѣйшемъ отчаянiи, не возмогу безъ угрызѣнiя совѣсти возрѣть на лице твое; ты долженствуешъ меня возненавидѣть, а мнѣ должно умереть! Къ чему мнѣ жизнь безъ любви твоей? О небо! прекрати жизнь противника твоего! . . . .

Вотъ въ какое заблужденiе и въ какое отчаянiе ввергаетъ насъ бѣдность! Не выпускалъ я Агату изъ моихъ объятiй; мы изъясняли слезами стѣсненiе, терзающее сердца наши. Восторгъ сердечной можетъ ли изъясненъ быть въ одномъ образѣ? Несносная печаль уподобляется любови; она всегда негодуетъ на слабость выраженiя. Не потребно ли имѣть чувствительнымъ сердцамъ изъясненiе съ прочими не сходственное? Если бы мы его имѣли, тобъ сердце мое открыло довольно новыхъ чувствительностей.

Мы оба утопали во слезахъ, исчисляя горести наши; но изведены были изъ печалей сихъ нечаяннымъ посѣщенiемъ.

Взошла къ намъ въ комнату немолодая женщина и съ ней толстой мущина такихъ же лѣтъ. Супруга

моя

моя встрѣтила ея съ учтивостїю и съ униженїемъ; что меня и раздражило.

Сїя женщина подошедши къ Агатѣ, сказала ей: Ну сударыня, долгожъ я тебя дожидалась! все ли ты изготовила? ты будешъ мною очень довольна. А сей господинъ конечно супругъ твой, *сказала она взглянувъ на меня*; я радуюсь, государь мой, что нашла случай одолжить васъ и супругу вашу; я истинно сожалѣю о состоянїи вашемъ; жена бы твоя не могла найти лучшей должности, какъ у меня; я не буду содержать ея, какъ послѣднюю рабу. Бѣдные люди, они меня трогаютъ, *сказала она старику*, вотъ какова бѣдность! Такъ, отвѣтствовалъ тотъ человѣкъ съ гордымъ и презрительнымъ видомъ, (онъ похожъ былъ на казначея) такъ, бѣдность есть нѣчто насъ устрашающее; такъ сударыня похвальное дѣйствїе ты дѣлаешъ, что берешъ ея съ собою; я увѣряю тебя, что она исправно услуживать тебѣ будетъ.

Во время разговора сего стоялъ я неподвижимъ; я узналъ, что ето была та женщина, о которой Агата упоминала въ писмѣ своемъ: насилу удержался я отъ гнѣва и отъ ярости при произношенiи словъ сихъ, милость, ... рабовъ, ... сожалѣнiя. . . . .

Важность честнаго человѣка несчастнаго, по нѣкоему мнѣнiю уподобляется гордости, тщеславiе души его подновляется при умноженiи несчастiя; соболѣзнованiе большей части людей, есть больше ругателнѣе, нежели ихъ презрѣнiе; и ложное милосердiе ихъ столькожъ поносно, какъ и безчеловѣчiе. Вотъ откуда раждаются сiи жестокiя благодѣтели, которыя одной рукой умерщвляютъ, а другой поднимаютъ; а больше жестокосерды тогда, когда дѣлаютъ малыя благодѣянiя, за которые внутренно восхищаются получить великiя прибытки и награжденiя.

Я не допустилъ Агату отвѣтствовать Маркизѣ; самъ говорить началъ; и никогда столько не испыталъ стыда въ произношенiи имяни . . несчастной. Нѣтъ

Нѣтъ, государыня моя, сказалъ я гордѣливо, не стерплю, чтобъ супруга моя приняла должность вами ей предложенную; она предпріяла сіе безъ согласія моего. Правда, что мы несчастливы, но втунѣ напоминаете вы намъ бѣдность нашу; однако я бодрственно снесу ея, и съ ней умру, ежели угодно то судбѣ. Супруга моя, и я не сотворены понесть должность и званіе рабовъ; мы не всегда были въ злощастіи, было время, въ которое и намъ служили, и еслибъ добродѣтель награждалася въ свѣтѣ чинами, то многіебъ изъ смертныхъ за честь себѣ сочли служить Агатѣ. Я благодаренъ за чувствительныя ваши сожалѣнія; я бы желалъ охотно быть въ состояніи показать вамъ благодарность мою. Слыша ваши разсужденія, государь мой, отвѣтствовалъ я старику, прошу покорно ихъ уничтожить; произношеніе слова сего, милосердіе, есть нѣчто для меня новое, и я никогда не приобыкъ его слышать.

Удерживалъ я слезы мои; но сердце симъ довольно поражено было.

Разговоры твои меня приводятъ въ удивленіе, сказала мнѣ Маркиза; я не мыслила, государь мой, озлобить васъ; супруга ваша привела меня въ жалость; я вознамѣрилась услужить ей, чтобъ принять ея къ себѣ въ услуженіе; у меня есть другая горнишная, которую я сослать хочу въ ея угодность. Вы довольно дурно отвѣтствуете, сказала она, указывая на старика, на его учтивости; мы дѣйствительно объ васъ сожалѣемъ, и я бы отъ всего сердца моего желала показать вамъ мою услугу.

Государь мой, сказалъ старикъ, вы нѣсколько разгорячились; я не знаю, что значитъ противное въ ушахъ твоихъ слово, милосердіе; всякъ претерпѣвающій бѣдность долженъ быть ласковъ и снизходителенъ. Вотъ какая большая часть людей злополучныхъ. Однако, повѣрь мнѣ, говорилъ трепля по плечу моему, повѣрь мнѣ другъ мой, нѣтъ столь великодушныхъ, чтобъ умереть съ голоду; ты знаешъ пословицу сію, *бѣдность не порокъ, но посмѣщище*; а посмѣшище есть больше нежели порокъ.

Ска-

Сказавъ сїе старикъ восхищался своими нравоученїями и довольствовался превосходствомъ разума. Я не могъ удержать слезъ моихъ, они меня стѣсняли, и слово сїе . . . умереть отъ глада. . . . Раздробляло сердце мое на многїя части.

Довольно, государыня моя, *вскричалъ я Маркизѣ*; вы можете остаться при вашей горничной; я повторяю вамъ, супруга моя не рождена уничтожиться подобнымъ состоянїемъ; я ни отъ кого не требую услуги; ничего не ожидаю отъ смертныхъ; все, что они ни дѣлаютъ, даже до ихъ благодѣянїя, кажется мнѣ презрительно и гнусно; до сего времяни я не стыдился въ бѣдствїи моемъ.

А вы, государь мой, *сказалъ я горько плачучи старику*, знаете, что величественнѣе умереть съ голоду, нежель послѣдовать большой части смертныхъ. Бѣдность меня неустрашаетъ: я знаю, что ужаснѣе она смерти; но научился я презирать жизнь и счастїе, какъ скоро хоть малымъ уничиженїемъ принужденъ буду купить ея. Пусть насъ оста-

вятъ умереть; мы не требуемъ ничьего о насъ сожалѣнія. Я восхищаюсь тѣмъ, что нѣтъ кромѣ меня ни одного свидѣтеля бѣдности моей. Такъ, ... нѣтъ у меня ничего кромѣ платья сего; я хочу продать его для жизни Агатиной; если бы купили кровь мою, я бы продалъ для ея до послѣдней капли; пусть придутъ сюда, я готовъ отдать за нее жизнь свою. Наконецъ, *сказалъ я Маркизѣ*, я больше сего сдѣлать могу; скажите сударыня, не потребенъ ли вамъ рабъ? Я соглашусь быть вашимъ рабомъ, невольникомъ вашимъ, вамъ служить, служить у самаго послѣдняго человѣка; но Агата не поработѣбствуетъ никому, пока во мнѣ дыханіе останется, супруга моя всегда будетъ меня достойная, и поношеніе меня не устрашаетъ. Маркиза взирала на меня съ удивленіемъ.

Я не знаю сказалъ ли я вамъ любезные читатели, что мы жили въ Авиньонѣ подъ именемъ подложнымъ, и не зналъ никто происхожденія моего и злополучія; извѣстны были только, что я знатнаго роду и въ бѣдствіи; оно затмѣвало всю

мою

мою знатность. Вотъ, *сказалъ старикъ*, человѣкъ чрезвычайной, я еще не видалъ ему подобнаго, э! другъ мой одна только бѣдность безчеститъ насъ, слѣдуя нравоученiю сему: однако я хочу его одолжить и помочь ему: и такъ, другъ мой, сказалъ онъ мнѣ, я тебя содержать буду какъ сына мамки моей, я къ хорошему мѣсту его пристроилъ, опредѣлилъ его въ должность досмотрщика на заставѣ: я люблю дѣлать добро, и желалъ бы что нибудь и тебѣ доброе сдѣлать.

Сiе предложенiе было сыну господина де Лабедуаеръ, самому мнѣ, о небо! (можно ли мнѣ выговорить сiе безъ пролитiя слезъ?) опредѣлиться въ должность служителя, уподобиться сыну мамки его, сыну презрительному въ свѣтѣ; еслибъ онъ имѣлъ человѣчество и сожалѣнiе, онъ бы могъ избрать должность мнѣ лучше приличную, и которая бы не столь ввергнула меня въ стыдъ и поношенiе.

Правда, что нѣтъ безчестiя дѣйствительнѣе низости души; иногда

самый послѣдній изъ смертныхъ бываетъ предъ очами философовъ такъ же великъ и такъ же воспитанъ, и почтенъ какъ Принцъ, какъ Король, который если будетъ лишенъ всѣхъ честей, и отнято будетъ все великолѣпіе, то иногда едва можетъ носить имя человѣка. Но гдѣ можно сыскать цѣлый народъ философовъ? и не взирая на здравый разсудокъ, не принуждены ли мы подвергаться симъ постыднымъ предразсужденіямъ, какъ и прочіе жестокосердые и ослѣпленные души? Мы единую въ семъ имѣемъ выгоду ту, что можемъ узнавать ихъ; но сіе знаніе насъ паче отягчаетъ. Гнѣвъ обладалъ сердцемъ моимъ; оно чувствовало смертельные удары; малѣйшая язва для несчастнаго кажется неизцѣлимою и смертоносною раною.

Наконецъ обратясь къ моему смертоубійцѣ благодѣтелю, сказалъ я въ печали и въ отчаяніи:

Изрядно, государь мой, я пріемлю предложенія ваши: такъ я буду товарищъ, подобный сыну мамки вашей; если вы хотите, то буду въ повелѣніяхъ его: такъ должно, вскри-

вскричалъ я заплакавъ, должно полазать, когда я несчастливъ. Оставленъ отъ всего свѣта, Агата мнѣ послѣдуетъ, Агата меня возлюбитъ, въ какомъ бы я ни былъ въ уничиженіи! для одной ея сохраню честь мою; какъ бы я ни былъ несчастливъ, она не лишитъ меня имени супруга ея; я готовъ вступить во всѣ должности мнѣ предложенные; я на всю согласенъ. Ахъ жестокая напасть! какъ ты унижаешъ меня, какъ уничтожаешъ! О судьба! доколѣ гнать меня будешъ! почто не умерщвляешъ! но что я говорю! жизнь Агатина мнѣ драгоцѣнна.

Государь мой, *сказала мнѣ Маркиза*, къ чему слезы сіи? не ввергайся въ отчаяніе; ты видишъ, что онъ жалѣетъ о состояніи твоемъ; онъ поможетъ тебѣ: а теперь возми отъ меня четыре полуимперіала, чрезъ нѣсколько дней я еще тебѣ столько же дать могу.

Постой госпожа Маркиза, сказалъ старикъ, позволь мои щедроты совокупить съ твоими, вотъ возми рубль двадцать копѣекъ; я тебѣ

ихъ дарую; по крайней мѣрѣ не опасайся чтобъ ихъ я отъ тебя назадъ когда потребовалъ; я еще испрошу для тебя милостыню у друзей моихъ. . . .

Милостыню для насъ! . . . *вскричалъ я въ самой глубочайшей горести*, намъ, . . . получать подобныя благодѣянія! будемъ мы жить милостыней! А! несчастный! смертный, недостойный свѣта, сердце безчеловѣчное, поди съ глазъ моихъ, или страшись отъ меня наказанія за таковую дерзость твою! изчезни отъ меня тварь прегнуснѣйшая! а ты госпожа Маркиза знай, что я не требую щедростей такихъ; они причиною злобы моей; мнѣ стократно милѣе смерть, нежель сіи благодѣянія; сожалѣнія ваши напоминаютъ мнѣ весь ужасъ бѣдности моей! Увы! хотябъ я и желалъ ея сокрыть самъ отъ себя, но многіе суть свидѣтели.

Какъ печаль, такъ и отчаяніе мои были безпримѣрны; они столько мнѣ горестей причинили, что кровь потекла ртомъ и носомъ; супруга моя въ слезахъ утопала; старикъ скрыл-

скрылся ; а Маркиза не знаю что говорила мнѣ; но я ничего не внималъ; она принуждала взять тѣ деньги , но я отрекся.

Никогда еще злополучїе столько меня не утѣсняло , и никогда я не былъ столько великодушенъ. Самолюбїе имѣетъ безчисленные выгоды ; съ одной стороны умерщвляется , съ другой оживляется : сей есть единый даръ для человѣка неотъемлемый, и если оно есть предразсужденїе , то по крайней мѣрѣ преполезнѣйшее. Лишь только Маркиза вышла , то увидѣлъ я на каминѣ тѣ деньги. Я не далъ ей времяни удаляться , открывъ съ поспѣшностїю окно , и бросилъ ихъ. Они упали у ногъ ихъ. Пользовавшись симъ случаемъ , забылъ почти всѣ огорченїя, разговорами ихъ мнѣ причиненныя ; гордость души моей побѣду одержала надъ ними. Сїе тщеславїе простительно несчастному , невкушающему другаго удовольствїя.

Ты видишъ, дражайшая моя супруга , какъ смертные сїи суть жестокосерды, безчеловѣчны, и тогда , когда

когда сердце ихъ отверзается къ чувствительностямъ и человѣчеству. Искусны творить злое, склонны вредить и гнать насъ; они необузданны, безумны, несклонны къ одолженїю, жестокость и нечувствительность имъ сродна, а щедрость для нихъ странна. Они награждаются, избыточествуютъ своими малыми и гнусными благодѣянїями; они сами дерзаютъ винить неблагодарность нашу въ то время, какъ она должна быть съ ихъ стороны. Въ самомъ дѣлѣ мы не можемъ больше имъ услужить, какъ превозноситъ тщеславїе ихъ, напоминать имъ блаженства, коими они восхищаются, не изъясняя имъ злосчастїя. Возможноль больше сего обольстить самолюбїе ихъ? и какое ето несчастїе, чтобъ краснѣть предъ ними, взирая на ихъ должность? О какое бремя благодарности для такого сердца, которое трепещетъ вспомня о одолженїи! Такїя безчеловѣчныя люди не воспользуются гнусною сею утѣхою, чтобъ властвовать надъ нами за благодѣянїя ихъ. Мы бы тогда были ихъ невольники, ихъ творенїе.

Нѣтъ

Нѣтъ, мы кончимъ остатокъ горестныхъ дней нашихъ свободны, самовластны, мы возможемъ ругать, презирать и проклинать ихъ. Сїе единое мнѣнїе утѣшаетъ меня въ горестяхъ моихъ. Тогда несчастїе будетъ въ равенствѣ съ благополучїемъ. Я не желаю возбудить о насъ соболѣзнованїя, а желаю чтобъ намъ завиствовали. До сего времяни мы неотягчены щедростїю сихъ презрительныхъ и жестокосердыхъ людей. И я не желаю ихъ до послѣдняго издыханїя нашего; мы ожидаемъ смертнаго часа, когда намъ запрещено искать его. Ахъ какъ утѣшно для несчастныхъ умереть безъ стыда и поношенїя!

Мы не льстилися иною помощїю, кромѣ единой смерти; казалось, что крѣпость возрастала съ отчаянїемъ моимъ; я не проливалъ больше слезъ моихъ; они уже всѣ истощилися; печали, чувствительности, и гнѣвъ, соединясь вмѣстѣ, вселились въ сердце мое; и чѣмъ больше приближался къ смерти, тѣмъ больше взиралъ я на нее съ спокойствїемъ и съ восхищенїемъ.

И

И такъ мы были безъ помощи и безъ надежды; но вдругъ жребій нашъ показался утомленнымъ, чтобъ больше изгонять насъ. Господинъ Стикотти братъ Агатинъ пишетъ ко мнѣ изъ Парижа, что дѣло рѣшено въ пользу мою, что я не опасаясь ничего могу туда ѣхать и съ моею супругою; прислалъ къ намъ не малую сумму денегъ, для нашего путешествія. Я началъ отдыхать: мы подобны были тѣмъ отчаяннымъ больнымъ, которые изъ дверей смерти входятъ въ жизненную. Первые мысли мои устремлены были благодарить Творца. Тогда то я возлюбилъ провидѣніе Божіе, о которомъ и прежде не сумнѣвался, тогда то сердце мое напиталось утѣхою благодарности. Но кто бы изъ смертныхъ могъ мнѣ столько благодѣтельствовать, какъ братъ моей супруги? Я не могу довольно обнародовать его услуги, имъ мнѣ оказанныя. Сколь много я почитаю его! сколь много милъ онъ сердцу моему! и сколь много человѣкъ и другъ затмѣваютъ имя комедіянта!

Супруга моя раздѣляла съ собой восторгъ радости моей: мы чаяли уже взойти на самый верхъ нашего счастія.

Несчастный во время разбитія корабля посреди жестокихъ волнъ, взявшись за остатокъ разбитаго судна, ужъ мнитъ, что онъ спасенъ; и лишь только узритъ берегъ, то забываетъ, что онъ посреди моря, что игралище водъ готово поглотить и погубить отъ малѣйшей самой волны; щитаетъ всю блаженство въ томъ брегу, и болѣе ничего не видитъ и ни о чемъ не мыслитъ; вся душа его къ нему устремлена, восхищается уже тишиною морскою, хотя тѣло его ужасная буря волнами терзаетъ. Сколь много надежда властвуетъ надъ умомъ человѣческимъ! и сколь много блаженны, когда будучи посреди ужасныхъ напастей льстятся предбудущимъ счастіемъ!

Мы питаясь сладкою надеждою, оставили съ радостію Авиньонъ, и поѣхали въ Парижъ, льстя себя, что вкусимъ больше приятности нежели

жели прежде, по тому что жребїй нашъ смягчилъ всѣ жестокости свои.

Я примѣтилъ, что чѣмъ болѣе мы злополучны, тѣмъ болѣе колеблемся, мучимся духомъ непостоянства, новостьми, перемѣною любви, всеобщими мнѣнїями обитаемыми въ сердцахъ человѣческихъ: наши очи, наше сердце желаетъ всегда новыхъ владѣнїй, новыхъ небесъ, новыхъ жителей; мы льстимся что достигнемъ до убѣгаемаго отъ насъ счастїя, что вкусимъ утѣхи въ наказанїе рода человѣческаго; что мы сыщемъ наконецъ цѣлую землю мудрыхъ людей, имѣющихъ чувствительныя сердца, которые почтутъ имя несчастнаго; истинныхъ друзей, кои возлюбятъ насъ какъ самихъ себя, и кои забывъ пользу свою будутъ стараться о нашей. Вотъ жилище волшебное, вотъ химера, къ которой тайныя желанїя наши простираются; но сїе есть тѣнь мечтательная, и исчезающая въ ту минуту, когда хотимъ обнять ея Какое заблужденїе! Но всѣ старанїя наши тщетны; печали, болѣзни, и

смерть насъ постигаетъ; претерпѣваемъ гоненія, утопаемъ всечастно въ порокахъ; наконецъ мы умираемъ, втунѣ желая здравія и жизни.

Человѣкъ до того заблуждается и обманывается въ желаніяхъ своихъ, что встрѣчаются минуты, въ кои онъ мнитъ себя безсмертнымъ. Правда, что сіи минуты мечтанія суть только блескъ для слабаго зрѣнія человѣческаго. Онъ впадаетъ всегда въ ужасную тьму неизвѣстности и печали, а жестокая истинна силится изтребить и малѣйшее заблужденіе, которое бы могло вспомоществовать его желанію.

Вы, надѣюсь я, извините сіи размышленія: они мнѣ подаютъ нѣкоторое облегченіе въ горести моей Надлежитъ быть несчастному чтобъ любить размышлять. Можетъ быть скажете вы мнѣ, что сіе есть дѣйствіе самолюбія, чтобъ тайно хвалить себя, чтобъ превышать многихъ смертныхъ, когда въ самомъ дѣлѣ имѣютъ способность къ размышленію. Преимущество сіе рѣдкимъ

 изъ

изъ смертныхъ извѣстное ! Хорошо, я согласенъ ; да я хочу , чтобъ вы приписали мнѣ тщеславіе , только съ тѣмъ , чтобъ вы со мной самимъ о немъ разсуждали ; и вы долженствуете, когда оно составляетъ единое мнѣ утѣшеніе, и вы меня столько любите , чтобъ испытать всю то , что можетъ усладить горесть моего состоянія.

Наконецъ мы теперь пріѣхали въ Парижъ. Еслибъ я не имѣлъ употребленія , и еслибъ злосчастіе меня не просвѣтило, я бы могъ вообразить, что я тамъ найду себѣ друзей , а особливо между народомъ соболѣзнующимъ о жребіи моемъ: но я предъузналъ, что сіи сожалѣнія , сіи сердечныя терзанія , вселились съ людей безумныхъ. Врожденное въ нихъ зло обращаетъ ихъ къ нечувствительности ; а жалость у нихъ такъ , какъ и прочіе добродѣтели , ничто иное , какъ дѣйствіе слабости ихъ. Всѣ сердца ихъ охладѣли ко мнѣ, и сдѣлали привычку къ приключеніямъ моимъ. Я не былъ значущимъ зрѣлищемъ у сего народа жаднаго къ новостямъ, и любопытство ихъ устремлялось

лялось ко другимъ предмѣтамъ: но я возбудилъ ихъ горчайшею изъ напастей моихъ.

Будучи обнадеженъ, что какъ въ приказѣ, такъ и въ армiи всѣ мѣста почтенны, какъ скоро исполняютъ должность свою, я вознамѣрился упражняться въ званiи стряпчаго. По крайней мѣрѣ должность, гдѣ разумъ служить можетъ чесности, коей цѣль есть защищать невинность утѣсненную, слушать правосудiя, вспомоществовать несчастнымъ, ихъ покровительствовать, показалась мнѣ превосходительнѣе всѣхъ блистающихъ достоинствъ, когда она подаетъ мнѣ случай быть полезнѣйшимъ человѣчеству. Греки и Римляне, мысля преизрядно, производили велерѣчивыхъ въ чины перваго ихъ качества. Слѣдственно я не думалъ краснѣться, что приведенъ въ должность обыкновеннаго стряпчаго: потомъ заслужа въ томъ же приказѣ чинъ отличной отъ прежняго, не устрашался того, чтобъ въ потопленiи моемъ похитили послѣднюю у меня доску, оставшую для моего спасенiя: однако были столь безчело-

вѣчны, столь жестокосерды, что похитили ея изъ собственныхъ рукъ моихъ: безъ сумнѣнія хотятъ, чтобъ я погибъ, чтобъ я поглощенъ былъ моремъ злополучія, въ которомъ до сего времени плавать усиливаюсь.

Здѣсь то всю сердце мое объемлется печалїю, утопаю въ слезахъ моихъ, и душа моя готова оставить тѣло мое; здѣсь тысяща смертей терзаютъ меня. Увы! какъ могу я собрать силы мои писать, и о томъ мыслить! Я чаялъ найти между стряпчими друзей, защитителей, сердца соболѣзнующїе о несчастїяхъ моихъ; но оклеветанїе меня постигло, и меня умертвило. Кто бы помыслить могъ, чтобъ сожалѣнїе превратилось въ зависть? Самыя грубѣйшїя и жесточайшїя лжи были посредствомъ изгнанїя моего изъ общества, въ которомъ я желалъ произрастить славу моею чесностїю, если бы оно получить не могло плодовъ дарованїя моего.

Сего еще не довольно, что я гонимъ былъ несчастїемъ, лишенъ знатнаго чина, лишенъ наслѣдства, на

конецъ

конецъ лишенъ послѣдняго единаго сокровища, которое я сохранить хотѣлъ, любви отеческой; долженствовало еще присовокупить къ напастямъ симъ посрамленіе. Сіе причинило мнѣ больше отъятія жизни моей, что обезчестили меня всенароднымъ дѣйствіемъ безчеловѣчія. Наконецъ общество стряпчихъ отреклось совсемъ принять меня въ число членовъ ихъ, объявило меня недостойнымъ жизни, когда оно осудило неспособнымъ пользоваться никакимъ чиномъ на земли, и оставили мнѣ жизнь, конечно къ умноженію гнусности наказанія моего, чтобъ чувствовалъ я потеряніе моей чести. Что я теперь есмь предъ очами иныхъ смертныхъ? что я самъ себѣ? Стократная смерть не предпочтительнѣе ли будетъ стыду, меня объемлющему? Я испытываю, что невинность, какое бы утѣшеніе ни имѣла спрашивать себя, и признаваться самой себѣ въ истиннѣ ея, то не можетъ удержать крѣпости своей противъ подобныхъ ударовъ.

А ты, которой былЪ столько жестокосердЪ и безчеловѢченЪ, чтобЪ погубить меня своею хитростїю, и оклеветанїемЪ; ты, которой содѢлалЪ навсегда неизлѢчимыя раны сердцу моему; кЪ тебѢ, кЪ тебѢ самому, кЪ твоему совѢсти угрызенїю вЪ сїю минуту возываю? Какое жестокое отчаянїе долженствуешЪ ты чувствовать вЪ сердцѢ твоемЪ, что обесчестилЪ ты несчастнаго, которой можетЪ быть едва тебѢ извѢстенЪ. Увы! . . . Пословица сїя очень справедлива, писанная однимЪ славнымЪ стихотворцомЪ на случаи оклеветанїя;
Хоть язва излѢчится, но знакЪ останется.

Агата нетерпѢливо ожидала новаго рѢшенїя части нашей; уже довольно насытился несчастїемЪ, утопалЪ вЪ слезахЪ, чтобЪ не показать новыхЪ знаковЪ печалей: подошелЪ кЪ супругѢ моей вЪ глубочайшемЪ отчаянїи сокрытымЪ самимЪ отЪ себя.

Ты видишЪ, дражайшая Агата, сказалЪ я ей, сїи жестокосердыя люди сами себѢ воспротивились, несча-

стїе

стіе наше усилилось, приговоръ смерти моей объявленъ. Что я говорю! не смерти моей, а вѣчнаго посрамленія: такъ я обезчещенъ предъ цѣлымъ свѣтомъ, предъ потомками; нашъ жребій премѣнится, но поношеніе останется вѣчно; оно пребудетъ въ вѣкъ на супругѣ твоемъ; я не безсмертенъ, но бесчестіе безсмертно. Знай же, что стряпчіе отринули меня отъ собранія своего, чтятъ меня недостойнымъ сообщества ихъ, что я нѣчто презрѣнное для всего рода человѣческаго. Агата! возможешъ ли еще любить меня? Ты единая приемлешъ участіе во мнѣ. Я ничего не значущее на земли, странникъ, оставленный отъ свѣта и имъ гонимый. Агата! стыжусь возрѣти на тебя, я самъ себѣ постылъ. Ахъ! почто себя не умерщвляю? О Боже! иль вѣчно оставиши меня? Я увидѣлъ, что печаль стѣсняла ея и она усиливалась удержать слезы, готовыя къ пролитію.

Не удивляюсь я больше ничему, вскричала она; сей новой поражающей ударъ не совсемъ меня встревожилъ, не ожидаю ничего отъ смертныхъ.

ныхъ, единъ Богъ упованіе твое; Онъ судія твой. Если ты невиненъ предъ очами Его и предъ собою, что тебѣ мыслить о цѣломъ свѣтѣ, хотя бы тебя съ самыми вмѣнили злодѣями! Мы равно милы другъ другу, мы долженствуемъ жить другъ для друга, и тѣмъ довольствоваться. Я почитаю тебя, чесность твоя мнѣ извѣстна, почто негодовать тебѣ? Ты не устыдишся самъ себя, ты оправдишся самъ предъ собою; довольно и сего: презри оклеветанія, презри смертныхъ тебя поношающихъ, презри всю вселенную. Единая Агата, вѣрная твоя супруга, тебя знаетъ, тебя любитъ, и почтеніе ея съ горячностью къ тебѣ не премѣнится. Отъ тебя единаго ожидаю я славы имени моего: если ты меня возлюбишъ, удостоишъ носить имя твоей супруги, быть тебѣ сообщницей, быть въ цѣпяхъ несчастія, то не пожелаю ни величества, ни всѣхъ пышностей свѣта: сохрани вѣчно для меня сердце твое, Агата презритъ всѣ злополучія.

О покланяемая супруга! сказалъ я, бросясь къ ногамъ ея и омывая ихъ сле-

слезами моими, ты сама добродѣтель! Небо! небо защитникъ невинности, свидѣтельствуетъ, что я люблю тебя. Помоги мнѣ забыть людей оклеветающихъ, и поношающихъ меня; чтобъ я не зрѣлъ кромѣ любви твоей, кромѣ почтенія твоего, и симъ бы единымъ довольствовался. Я на себя не негодую, сердце мое совсемъ для тебя отверсто; коль я не виненъ предъ тобою, я ничего не желаю. Такъ, моя супруга есть друзья мои, родъ мой, свѣтъ весь, и всѣ для меня. Я обитаю въ сердцѣ ея, я самая любовь ея, оковы, изгнаніе, поношеніе, бесчестіе, смерть, ни что меня не востревожитъ.

Я никогда не былъ подъ столь тяжкимъ бременемъ моего несчастія, и никогда не чувствовалъ столько крѣпости. Конечно я долженствовалъ самъ любви моей: она единая подкрѣпляла всѣ напасти мои; казалось, что горячность моя умножалась, чтобъ пренебречь ярость жребія, меня гонившаго, и тѣмъ озлоблять самое злополучіе предъ людьми заклинающими погибель мою.

Госпо-

Господинъ Спикотти былъ больше, какъ братъ Агатинъ, онъ былъ другъ ея, и онъ одинъ вспомоществовалъ намъ. Я никогда не утомлюся возобновлять чувствительности мои вѣчною ему благодарностію, также и дѣвицѣ Делаландѣ; я не могу умолчать о имяни ея въ повѣствованіи, которое я почитаю за повѣсть сердца моего, и тайныхъ моихъ чувствительностей, гдѣ вмѣстѣ съ моими жалобами, и съ негодованіемъ противъ гонителей моихъ, написано будетъ мое почтеніе и благодарность къ друзьямъ искреннимъ и ревностнымъ, и которые одни удостоили возрѣть на меня и одолжить безконечно. Я уже сказывалъ, что подобные Спикоттію комедіянты, достойны, по моему мнѣнію, обладать всѣми достоинствами благородства. Ахъ! кто можетъ превзойти сихъ двухъ друзей, сихъ двухъ благодѣтелей, которые намъ служили, намъ вспомоществовали, не требуя отъ насъ уничиженія, и не превозносясь благодѣяніемъ, что приводитъ въ трепетъ сердца чувствительныя?

И такъ симъ только двоимъ должны мы жизнїю, мы ими одушевленны; они одни утѣшали насъ до сего времени; они отирали слезы наши; они одни раздѣляли наши злополучїя, хотя оныя и ежечасно возобновлялися.

Конецъ третьей части.

